

ВЕРХОВЬЯ РЪКИ КИЗИЛЬ-СУ И АЛАЙСКАЯ ДОЛИНА.

(Изъ путевыхъ очерковъ по Средней Азiи).

Глава I.

Кала-и-Хонгъ.—Кара-Киргизы.

Изъ Гарма на Ново-Маргеланъ есть нѣсколько дорогъ, но лучшею считается дорога черезъ Алайскую долину, проходящая черезъ сравнительно невысокіе горные перевалы, закрытые лишь въ теченіе небольшого зимняго періода.

Выѣхавъ изъ Гарма съ разсвѣтомъ мимо кишлаковъ Белги, Янгоглыка и Нусмича, мы все время видѣли воды быстрого Сурхаба, параллельно теченію котораго пролегала дорога. Широкая равнина рѣчной долины съ разбросанною по сторонамъ цѣлою массою кишлаковъ указывала на населенность этого богатаго края, составляющаго Каратегинское бекство, самое большое въ Восточной Бухарѣ, дающее огромный доходъ бухарскому эмиру, благодаря трудолюбію таджикскаго населенія, обрабатывающаго подлѣ носѣвы всѣ пригодныя земли, а также и особой плодородности

лесовой почвы, залегающей толстымъ слоемъ по всѣмъ долинамъ и склонамъ горъ; бекство снабжаетъ хлѣбомъ сосѣднія бекства, Шугпанъ, Ваханъ, Рошанъ, а также Памиры и вывозитъ его въ Ферганскую область.

Каратегинъ имѣетъ всегда въ наличіи значительные хлѣбные запасы, вслѣдствіе чего цѣны на хлѣбъ стоятъ, по сравненію съ сосѣдними бекствами Кулябскимъ и Балъджуанскимъ, крайне низкія.

Вмѣсто проводниковъ таджиковъ за нами слѣдовали два нукера кара киргиза, лица которыхъ рѣзко отличались отъ выразительныхъ типовъ горцевъ съ ихъ правильными красивыми чертами. Узко прорѣзанные глаза, широкія выдающіяся скулы и рѣдкая растительность на усахъ и бородѣ служили характерными признаками кара-киргизскаго племени, наглядно подтверждая его монгольское происхожденіе.

Я подозвалъ одного изъ нихъ и приказалъ ѣхать рядомъ.

— Какъ тебя зовутъ, тамыръ (пріятель)?

— Мулла-Сафаръ, тамыръ! весело отвѣтилъ киргизъ, показывая свои бѣлые зубы.

И сейчасъ же, не ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ, онъ самъ заговорилъ.

— Мы, таксырь, живемъ выше по Кизиль-Су и по ближайшимъ горнымъ долинамъ и имѣемъ своего особаго амлякдара, а нашъ амлякъ называется Казакъ. Въ Гармъ по очереди посылаютъ на службу въ нукеры, только тамъ нехорошо. Теперь, таксырь, по Алаю нашихъ людей мало, а весной, когда приходятъ изъ Ферганы, Куляба, Гиссара со своими стадами, тогда много, очень много людей.

Ты, таксырь, еще не видѣлъ наши долины. Когда помотришь, сердце твое будетъ радоваться. Трава, цвѣты, вода. А вода, таксырь, такая—нигдѣ не найдешь. Въ сосѣднихъ горахъ звѣрь разный, птица и для нашихъ табуновъ приволье. Придутъ люди изъ далекихъ долинъ—разсказываютъ, какъ другіе живутъ. Ѣздимъ на охоту. Пьемъ кумысъ. Поемъ пѣсни. Хорошо, таксырь...

Видимо, нукера, всю жизнь прожившаго на привольѣ, тяготила городская жизнь, даже въ такомъ въ сущности большомъ кишлакѣ, какимъ являлся въ дѣйствительности городъ Гармъ.

Переставъ разговаривать, нукеръ немного отсталъ отъ меня и почти сейчасъ же запѣлъ какую-то заунывную, безконечную пѣсню.

Долетавшія до моего слуха отдѣльные слова невольно заставляли внимательнѣе къ нимъ прислушаться, а, уловивъ смыслъ

фразъ, я съ удивленіемъ долженъ былъ признать, что пѣсни въ сущности въ нашемъ смыслѣ не было. Это былъ, отражавшій минутныя впечатлѣнія окружающей природы, наборъ фразъ, передаваемыхъ на извѣстный однообразный мотивъ.

Онъ пѣлъ, что бѣгутъ по небу облака, вокругъ стоятъ высокія горы, а за Алаемъ горы еще выше. Шумитъ рѣка и летятъ птицы на поля искать себѣ кормъ, а онъ еще сытъ и ничего не хочетъ ѣсть. У встрѣчнаго таджика хорошая лошадь, а этого таджика онъ знаетъ—его недавно наказывали палками, отъ которыхъ бываетъ очень больно спинѣ, такъ такъ бекскіе люди бьютъ всегда очень больно.

— Послушай, тамыръ, наконецъ не утерпѣлъ докторъ, неужели у тебя за эти полчаса не заболѣла глотка?

— Нѣтъ, таксырь, я могу цѣлый день пѣть—я веселый, потому что сытъ; когда голоденъ, тогда пѣть нехорошо.

— А другой какой-нибудь настоящей пѣсни ты не знаешь?

— Нѣтъ, таксырь, у насъ всѣ такъ ноютъ, и я тоже лучше не умѣю.

Чтобы отдохнуть отъ этихъ рѣзкихъ скрипучихъ звуковъ, я задалъ нукеру нѣсколько вопросовъ объ его семьѣ, родныхъ и, благодаря исключительной разговорчивости, въ теченіе болѣе часа слушалъ длинный разговоръ о жизни киргизъ Казацкаго амлякдарства.

Поднявшись на небольшой перевалъ и переправившись около кишлака Мазара по мосту черезъ рѣку Ясманъ, мы вступили въ долину рѣки Оби-Кабудъ, покрытой сплошнымъ почти рядомъ кишлаковъ, окруженныхъ густою растительностью садовъ. Пересѣкая арыки, проходившіе по обработаннымъ полямъ, мы уже давно уклонились отъ теченія рѣки Сурхаба, дорога по берегу котораго считается возможною для движенія однихъ лишь пѣшеходовъ.

Кишлаки Сафидъ, Объ, Чанъ-Кильдыкъ, Кара-Шааръ, Ассиобъ-Дора, Санолыгъ, Утилонъ и Ходжа-Кайенъ совершенно однохарактерны по своему внѣшнему виду и лишь Кала-и-Хоить, въ которомъ рѣшено было покормить лошадей и отдохнуть, представлялъ собою интересное мѣсто, какъ старая когда-то крѣпость, защищавшая дорогу въ Гармъ.

Высокій холмъ съ валами вокругъ и толстыми стѣнами въ видѣ прямоугольника, составлялъ остатки прежней твердыни, которую сильно разрушило время. Представляя собою довольно значительный кишлакъ съ населеніемъ до 300 душъ. Кала-и-хоить слу-

жить мѣстопребываніемъ амлякдара; являясь и понынѣ административнымъ центромъ богатой долины рѣки Оби-Кабудъ и ея пригоковъ.

Почти мальчикъ по виду, амлякдаръ былъ племянникомъ бека и управлялъ лишь номинально. Завѣдывалъ же дѣлами старый Мирахуръ, числившійся его помощникомъ и творившій судъ и расправу въ тотъ самый моментъ, когда мы подъѣхали къ двору амлякдара.

Толпа таджиковъ и киргизъ стояла посрединѣ двора, окружая возвышенную площадку, на которой происходила, очевидно, экзекуція надъ обнаженною спиною какого-то человѣка. Два рослыхъ нукера изъ киргизовъ стоя съ двухъ сторонъ, съ размаху били по этой спинѣ длинными гибкими палками, и послѣ каждаго удара выступали по тѣлу багровыя полосы.

Мы остановились за стѣною и видѣли всю эту картину отвратительнаго наказанія.

Наказываемый громко непрерывно кричалъ что-то, глотая слова и всхлипывая. Еще рядъ ударовъ. Еще...

— Тохта (стой)! наконецъ раздался безстрастный голосъ старика Мирахура. Отведите его на мѣсто; пусть отдохнетъ, а завтра можно снова поговорить съ этимъ дурнымъ человѣкомъ.

Вѣхавъ на широкій дворъ, мы поздоровались съ Мирахуромъ, а нукеры поставили нашихъ лошадей на приколы, задавъ имъ нѣсколько сноповъ свѣжаго клевера.

— Чѣмъ провинился этотъ человѣкъ? послѣ ряда обоюдныхъ вопросовъ о здоровьѣ, сгоравшій отъ нетерпѣнія узнать, спросилъ докторъ одного изъ нукеровъ.

— Это, тюра, воръ, онъ укралъ у одного человѣка хлѣбъ съ хирмана и не хочетъ признаться. Мирахуръ уже его допрашивалъ много дней, но онъ ужасно нехорошій—ничего не говорить. Пять дней утромъ и вечеромъ его палками бьютъ, но спина у него крѣпкая—молчитъ.

— А развѣ можно такъ много бить провинившагося? обратился я къ подошедшему Мирахуру. Вѣдь по закону нельзя.

— Нѣтъ, тюра, мы никогда не нарушаемъ закона. Амлякдаръ можетъ дать 17 палокъ, и онъ всегда столько получаетъ—ни одной больше. Если бы ему дали 2, 4, 8 или 18 это было бы не по закону, а то онъ получаетъ столько, сколько слѣдуетъ, своеобразно растолковалъ старикъ правило, по которому наказанному можно дать лишь нечетное число ударовъ.

— У насъ всегда бьютъ такъ, пока не скажетъ и не признается въ своей винѣ.

Высокіе чинары зашелестѣли своими широкими листьями. Налетѣлъ порывъ вѣтра и могучіе великаны съ сѣровато-бѣлыми стволами разомъ заговорили, какъ будто бы горячо обсуждая какой-то вопросъ. Мелкій листъ таловъ и тутовъ забилъ тревогу, судорожно вздрагивая при каждомъ порывѣ вѣтра. Темныя тучи низко понесли надъ землею и черезъ минуту пошелъ крупный дождь, заставившій насъ спрятаться подъ крышею сильно закопченной сакли, въ которой страшно пахло дымомъ и острымъ запахомъ рогатаго скота, стоявшаго тутъ же рядомъ въ загонѣ.

На горячихъ угольяхъ мангала кипѣлъ чайникъ съ водою для чая. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и поэтому приходилось, запасшись терпѣніемъ, ожидать, пока погода не разгуляется.

Глава II.

Разсказъ о праведномъ судѣ.

Степенно посматривая на насъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей и держа чашку съ чаемъ въ рукахъ, Мирахуръ иногда поглаживалъ свою длинную сѣдую бороду.

Одинъ изъ нукеровъ взялъ чилимъ ¹⁾, сдѣланный изъ тыквы съ вставленнымъ въ нее камышомъ и налитою водою, набилъ глиняную трубку табакомъ и, положивъ горячій уголь сверху, раскурилъ чилимъ, а затѣмъ протянулъ его Мирахуру, съ наслажденіемъ затянувшемуся ароматнымъ дымомъ. Передавъ чилимъ сосѣду, онъ снова сосредоточенно сталъ смотрѣть передъ собою. Чилимъ по очереди сталъ обходить всѣхъ сидящихъ, и каждый, потянувъ хрипѣвшую въ немъ воду, дѣлалъ одну-двѣ затяжки.

Докторъ, никогда не курившій, но хотѣвшій обязательно все попробовать, послѣдовалъ примѣру остальныхъ, но сейчасъ же закашлялся и передалъ чилимъ обратно.

— Тюра спрашивалъ про нашъ судъ, медленно заговорилъ амлякдаръ; всѣ мы судимъ, и амлякдары и казіи, но мы люди и поэтому ошибаемся. Самъ Кази-Каглянь ²⁾ и тотъ не всегда правильно дѣло рѣшаетъ, хотя онъ ученый и мудрый. Только изъ всѣхъ

¹⁾ Чилимъ въ родѣ кальяна.

²⁾ Главный казіи во всемъ Бухарскомъ ханствѣ.

казіевъ, говорятъ, одинъ Кази-Бай не ошибался, но онъ былъ не простой человѣкъ, а его устами говорилъ Всемогущій.

— А кто же это Кази-Бай и гдѣ онъ живетъ? заинтересовался я, услышавъ ничего не говорящее имя.

— Это, тюра, очень давно жилъ такой казіи на свѣтѣ среди киргизовъ города Сайрама и звали его Кази-Баемъ.

Отецъ его былъ муллою въ мечети и звали его Утенъ-бекомъ. Былъ онъ почтенный старый человѣкъ, жилъ въ богатствѣ, и все у него было: и табуны лошадей, и стада барановъ, и красивыя жены, радовавшія его взоръ, и еще были красивые бачи, веселившіе въ часы отдыха отъ дѣлъ, но только не было дѣтей. Считая въ этомъ виновной свою старшую жену, взялъ онъ другую моложе, потомъ третью, четвертую, но не исполнялъ его завѣтнаго желанія Аллаха.

Ежедневно, пять разъ совершая намазы, просилъ мулла Всемогущаго дать ему сына, который бы продолжилъ его родъ. И входилъ мулла въ тоску, видя, что его желаніе не исполняется.

Но наконецъ Аллаха сжалился надъ нимъ — младшая жена родила ему сына. И былъ этотъ мальчикъ не такой, какъ всѣ дѣти. Только успѣлъ онъ родиться, какъ захотѣлъ Утенъ-бекъ посмотрѣть и благословить своего первенца. Раскрыла его молодая мать и сейчасъ же дитя сѣло и, протянувъ свои руки вверхъ, громко сказало: «Кази».

Удивился Утенъ-бекъ и долго потомъ молился Аллаху въ эту ночь. И съ тѣхъ поръ каждое новолуніе дитя ясно повторяло слово: «Кази» на удивленіе всѣхъ приходившихъ смотрѣть на это чудо. И назвали мальчика Кази-Баемъ.

Сталъ расти Кази-Бай и въ то время, какъ его сверстники занимались играми, онъ уже перелистывалъ страницы корана и могъ говорить съ людьми, какъ взрослый.

Пришло время совершить надъ нимъ обрядъ обрѣзанія, такъ какъ ему минуло 7 лѣтъ. Устроилъ тогда Утенъ-бекъ большой той. Съѣхались къ нему и бай и простые люди со всѣхъ сторонъ. Много лошадей, верблюдовъ и барановъ приказалъ зарѣзать Утенъ-бекъ, чтобы угостить своихъ гостей. Много ѣли, пили и веселились.

Приѣхали, наконецъ, самые почетные люди, казіи Насиръ-бекъ и мулла Уль-Кушъ, которые и должны были совершить самый обрядъ. Хотѣли они уже приступить къ нему, но только вдругъ Кази-Бай нигдѣ не оказалось.

Сталъ искать его Утенъ-бекъ. Долго искалъ и нашелъ Кази-

Бая на крышѣ дома; смотрятъ, сидитъ мальчикъ и держитъ въ рукахъ конецъ блестящей цѣпи, которая повисла съ неба. Закричалъ тутъ отъ страха Утенъ-бекъ и сбѣжались всѣ люди смотреть на это чудо.

А Кази-Бай и говоритъ: Надо мной долженъ совершить обрядъ обрѣзанія почтенный мулла Мухамедъ-Али, но раньше, чѣмъ дотронуться до моего тѣла, пусть опъ возьметъ конецъ небесной цѣпи въ руки.

Собрался съ духомъ мулла и только что хотѣлъ дотронуться до цѣпи, какъ она поднялась и ушла въ небо, а затѣмъ черезъ минуту вновь опустилась.

Одинъ за другимъ стали гости дотрагиваться до чудесной цѣпи, но каждый разъ цѣпь уходила отъ нихъ и не давалась въ руки.

Дивились всѣ этому и не могли объяснить, что это значить.

Но заговорилъ тутъ Кази-Бай.

— О, люди, всѣ вы грѣшны и никто не можетъ совершить надо мною обряда обрѣзанія.

Вышелъ тогда самъ казіи Насиръ-бекъ, помолился Всемогущему и протянулъ къ концу цѣпи свою дрожащую руку, но цѣпь снова ушла въ небо.

Тогда сталъ Кази-Бай молиться: Милосердный, Милостивый, Ты видишь Самъ, что никто изъ людей не можетъ совершить надо мною обряда, установленнаго пророкомъ Магометомъ печатью всѣхъ пророковъ. Сдѣлай же, чтобы я исполнилъ шаріатъ.

И совершилось тогда великое чудо. Цѣпь обернулась вокругъ тѣла Кази-Бая и совершила обрядъ сама.

Увидѣвши это, упалъ старый казіи на колѣни и сказалъ: Всю жизнь я судилъ другихъ и многихъ неправильно; теперь самъ Аллахъ призналъ, что недостойнъ я быть казіемъ и въ то же время онъ же указалъ мнѣ преемника.

И весь народъ, какъ одинъ человекъ, кричалъ: Кази-Бай пусть будетъ казіемъ. Онъ безгрѣшенъ и мудръ.

И вступилъ семилѣтній Кази-Бай въ должность казія, рѣшая дѣла по шаріату и совѣсти, и всегда надъ нимъ висѣлъ конецъ небесной цѣпи.

Пронеслась о немъ слава по всѣмъ степямъ, гдѣ кочевали роды многочисленнаго племени киргизовъ. Каждому, кто приходилъ къ нему по дѣлу, онъ приказывалъ дотронуться рукою до цѣпи. И отъ виноватаго цѣпь уходила въ небо, а у праваго оставалась въ рукахъ.

Всю свою долгую жизнь судилъ Кази-Бай, и не было у него ни одного несправедливаго рѣшенія и никогда не бралъ онъ ни съ истца, ни съ отвѣтчика ни одной пули ³⁾).

Но силенъ Иблись — позавидовалъ онъ праведному казію.

Пришли два человѣка — богатыхъ бая судиться. Встрѣтила ихъ любимая жена Кази-Бая, и внушилъ имъ Иблись обоимъ мысль подарить мѣшокъ золотыхъ тилля женщинѣ, чтобы склонила она казія къ рѣшенію не по совѣсти. Спалъ въ это время Кази-Бай и, взявъ золото, всыпала ему жена его въ карманъ.

Проснулся старый казіи и приступилъ къ разбору дѣла. Заставилъ онъ и истца и отвѣтчика дотронуться до небесной цѣпи и оба взяли ея конецъ въ руки.

Удивился казіи этому небывалому случаю и воскликнулъ въ ужасѣ «Аллахъ», но не успѣлъ призвать имени Всемогущаго, какъ поднялась цѣпь на небо.

Всталъ тогда казіи съ мѣста и зазвенѣли у него въ карманѣ золотыя тилля. Понялъ тогда старикъ, что наказалъ его Всемогущій за это.

Цѣлые дни и ночи молилъ Кази-Бай о возвращеніи ему чудесной цѣпи, но призналъ Милосердный, что совершилъ старикъ уже все на землѣ, и послалъ Азраила вынуть душу изъ его брэннаго тѣла и умеръ Кази-Бай на молитвѣ.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, много было казіевъ у всѣхъ народовъ, но не было такого справедливаго, какъ Кази-Бай.

Похоронили его въ Сайрамской долинѣ и поставили надъ нимъ Мазаръ.

И ходитъ теперь простой народъ и казіи на его могилу и просятъ Хозрета Казп-Бая первые о смягченіи сердець судей, а вторые о дарованіи имъ небесной цѣпи.

— Интересное преданіе, замѣтилъ я. Судъ вообще имѣеть большое значеніе въ жизни всѣхъ людей, а мусульманъ въ особенности. При трудности же согласовать свои постановленія съ паріатомъ и обычнымъ правомъ хорошіе судьи у нихъ рѣдкость, а мудрыя рѣшенія еще рѣже.

— Ты правъ, тюра, тотчасъ подтвердилъ Ахметъ. Мудрыхъ судей немного. Я слышалъ про такого судью, живущаго въ далекомъ Лукновѣ подъ солнцемъ Индіи, гдѣ много живетъ мусульманъ. Однажды четыре купца, торговавшіе хлопкомъ, скупили большую его партію и сложили тюки въ сараѣ, а чтобы предохранить хло-

³⁾ Мелкая монета.

покъ отъ крысъ, устраивавшихъ въ немъ свои гнѣзда, купили большую кошку и пустили въ сарай. Хлопокъ былъ общій, и кошка принадлежала также всѣмъ четыремъ, и каждый по уговору считалъ себя собственникомъ одной ея ноги. Но однажды кошка зашибла себѣ ногу; одинъ изъ купцовъ, сейчасъ же смочивъ тряпку масломъ, обвязалъ больную ногу. Побѣжала кошка, прихрамывая въ сарай, но слишкомъ близко былъ разложенъ огонь въ мангалѣ. Вспыхнула тряпка, налитая масломъ, и, прежде чѣмъ успѣли поймать кошку, она вскочила въ сарай. И тотчасъ же загорѣлся хлопокъ и не могли уже люди прекратить этотъ большой пожаръ, который уничтожилъ все богатство четырехъ купцовъ. Рѣшили тогда трое изъ нихъ взыскивать убытки съ четвертаго. Подали жалобу казію, обвиняя своего товарища, которому принадлежала больная нога кошки.... Долго думалъ казіи, но великую мудрость вложилъ Аллахъ въ его голову и рѣшилъ онъ это дѣло: «Одна нога кошки была больна и кошка поэтому ее поджала и бѣжала на трехъ здоровыхъ ногахъ, которыя и донесли ея туловище до кипъ хлопка, поэтому виновною въ пожарѣ является не больная, а три здоровыхъ ноги, въ силу чего трое купцовъ, подавшихъ жалобу, и должны уплатить всѣ убытки четвертому, которому принадлежала больная нога кошки».

Глава III.

Кишлакъ Пильдокъ.—Топографъ Бендерскій.

Переходъ до кишлака Джирготола былъ очень трудный, хотя отъ Кала-и-Хоить до этого кишлака существуетъ дорога по самому берегу рѣки Сурхаба (Кизиль-Су), но благодаря сильнымъ дождямъ, шедшимъ въ послѣдніе дни, прибылъ воды была огромная и берегъ частью затопило, а протоки, черезъ которые обыкновенно переправлялись, были слишкомъ глубоки и при быстотѣ теченія представляли собою значительную опасность, въ силу чего и пришлось выбрать горную дорогу, пролегавшую черезъ цѣлый рядъ хребтовъ и переваловъ въ недалекомъ отъ рѣки разстояніи.

Вслѣдствіе бывшихъ дождей мѣстами на тропѣ было очень скользко. Вязкая глинистая почва размокла и поэтому подъемы требовали напряженія всѣхъ силъ лошади, а спуски большой осторожности.

Шагъ за шагомъ поднимаясь на гору, лошади иногда спотыкались, принимая крайне рискованныя положенія и заставляя каждую минуту ожидать крушенія. На длинныхъ крутыхъ спускахъ приходилось слѣзать и, скользя внизъ, самому держаться за уздечку лошади, являвшейся единственною точкою опоры. Иногда же и лошадь и человѣкъ съѣзжали быстро вмѣстѣ внизъ, поскользнувшись на жидкомъ лѣсѣ, лежавшемъ мѣстами на твердой гладкой каменной поверхности. На самой вершинѣ перваго перевала видны значительные остатки старинныхъ укрѣпленій, построенныхъ изъ камня и, очевидно, когда-то защищавшихъ съ этой стороны дорогу въ долину. Огромные камни были разбросаны вездѣ вокругъ, придавая крайне мрачный видъ всей картинѣ.

— Что это за крѣпость, не знаетъ ли нукеръ?

— Тюра, я самъ не могу правильно сказать, такъ какъ лѣтъ мнѣ еще немного, но отъ стариковъ я слышалъ, что здѣсь была огромная кала съ каменными стѣнами, а кто ее построилъ — никто не знаетъ. Рассказываютъ, что не разъ приходили сюда сарбазы хана кокандскаго, но никто не могъ ее взять и всегда его войска уходили, наѣвшись грязи. Здѣсь же показываютъ остатки древней мечети, которую построили еще въ то время, когда всѣ здѣшніе таджики поклонялись огню. Хотя, тюра, таджики и мусульмане, но они и теперь читаютъ коранъ и молятся передъ огнемъ, а старики ихъ приходятъ сюда возносить свои молитвы Аллаху.

Кишлаки Саріонъ, Оходъ, Пильдокъ представляли собою небольшія селенія, не имѣвшія въ себѣ ничего интереснаго.

Засѣянныя поля чередовались съ пустынными пространствами, и яркая зелень хлѣбовъ особенно пріятно веселила глазъ.

Отъ кишлака Пильдока уже оказалось возможнымъ свернуть въ сторону и, выйдя на берегъ рѣки Сурхаба, идти все время по ровной, покрытой сплошною галькою, долиинѣ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ уже не была особенно широка; глухо шумя на каменистыхъ перекатахъ, неслись темно-желтоватая воды, гремя по камнямъ и разливаясь нѣсколькими протоками. Кусты, похожіе на нашу лозу, покрывали мѣстами берега и небольшіе острова, разбросанные по рѣкѣ.

Постепенно рѣчная долина расширялась и береговая полоса, покрытая галькою, отходила въ правую сторону, а вмѣсто нея показалась широкая равнина, покрытая обработанными полями съ цѣлымъ рядомъ кишлаковъ, раскинувшихся на ней.

Переѣхавъ нѣсколько глубокихъ арыковъ, мы приблизились къ

богатому кишлаку Джиргатель, населенному большею частью киргизами и служащему мѣстопребываніемъ амлякара Казацкаго амляка.

На сѣверѣ виднѣлись снѣговья шапки Заравшанскаго хребта, а на югѣ поднимался остроконечной вершиной Пикъ-Каудаль, выдѣлявшійся среди снѣжныхъ массивовъ хребта Петра Великаго.

— Здѣсь есть русскій полковникъ, сообщилъ намъ амлякаръ. Толстый такой, Бендеръ называется, всѣ горы мѣряетъ...

Я обрадовался, узнавъ въ исковерканномъ имени фамилію хорошаго пріятеля, топографа Бендерскаго.

— Гдѣ же полковникъ? только что успѣлъ я спросить, какъ изъ небольшого помѣщенія на терассу вылѣзла грузная фигура милѣйшаго Бендерскаго.

— Куда путь держите? Какъ живете можете? послышались взаимные вопросы.

— А вы видно рѣшили уже дальше ѣхать? Но теперь, разумѣется, часокъ отдохнете и побесѣдуемъ, рѣшилъ Бендерскій.

Мы слѣзли съ лошадей и расположились въ небольшой саклѣ, всѣ вмѣстѣ.

Обмѣнявшись впечатлѣніями, узнавъ новости и наговорившись досыта, лишь часа черезъ три двинулись мы далѣе, каждый въ свою сторону: мы — къ Алайской долинѣ, Бендерскій — въ Кулябъ, гдѣ работали офицеры его партіи, дѣлавшіе топографическую съемку части Восточной Бухары.

Глава IV.

Алайская долина.— Положеніе женщинъ.

Снова со всѣхъ сторонъ потянулись обработанныя поля, сады вокругъ кишлаковъ и кишлаки, съ большимъ населеніемъ, среди которыхъ Каль-та-Булакъ, Кушай, Яръ-Мазаръ, Кашка-Тирия представляли ту особенность, что при незначительномъ числѣ постоянныхъ построекъ вездѣ виднѣлась масса кибитокъ, поставленныхъ среди каждаго двора и указывавшихъ, что населеніе въ нихъ ведетъ полуосѣдлую, полукочевую жизнь, уходя въ лѣтнее время въ горныя долины еще выше на лѣтовки.

— Кто этотъ топографъ—я такъ и не разслышалъ его фамиліи? спросилъ меня докторъ.

— Бендерскій, неужели вы про него ничего не слышали? На фонѣ туркестанской жизни это крупная величина. Съ генераломъ Столѣтовымъ, а потомъ съ полковникомъ Разгоновымъ больше полугодомъ въ Кабулѣ прожилъ, пройдя черезъ весь Афганистанъ. Съемку Памировъ дѣлалъ и во время работы Англо-Русской разграничительной комиссіи дѣлалъ съемки границы. Карта Памировъ, имъ составленная, считается лучшею, а въ хребтѣ Николая II рядомъ съ пикомъ Согласія существуетъ перевалъ, названный его именемъ. Недаромъ Географическое общество наградило его золотою медалью имени графа Литке. Интересный человекъ. Жаль, что мало съ нимъ пробыли; я то его уже знаю лѣтъ больше десяти.

Выйдя изъ долины рѣки Оби-Занку, мы стали подниматься на довольно высокій перевалъ Джюль-Тирякъ, по крутой, но хорошо раздѣланной зигзагами дорогѣ.

— Надо, однако, намъ поторапливаться, чтобы добраться до Дамбурчи, гдѣ будемъ ночевать, обернулся я къ доктору, видя, что онъ собирается слѣзть для отдыха на вершинѣ перевала.

— Развѣ еще далеко? съ неудовольствіемъ въ голосѣ спросилъ тотъ, подогнавъ свою лошадь.

— Да, порядочно; верстъ еще 12 будетъ, да притомъ судя по картѣ есть еще другой перевалъ, Муюнокъ называется.

За нѣсколькими небольшими перевалами открылся немного болѣе значительный Муюнокъ, но и тотъ послѣ большихъ подъемовъ Сатырга показался намъ совершенно нологимъ, благодаря разработанной дорогѣ, устроенной въ видѣ зигзаговъ.

Вмѣстѣ съ темнотою мы вѣхали въ кишлакъ Дамбурчи, лежащій въ началѣ Алайской долины, являющейся въ лѣтнее время мѣстомъ, куда сходятся со своими стадами киргизы Ферганы, Восточной Бухары, Самаркандской области и даже Семирѣчья.

Вся горная долина, носящая у киргизовъ названіе Алая, расположена между двумя хребтами Алайскимъ и Заалайскимъ и разрѣзана теченіемъ рѣки Сурхаба. При общей длинѣ около 120 верстъ вся эта долина имѣетъ ширину отъ 5 до 25 верстъ и находится на высотѣ 10 тысячъ футовъ, представляя собою степь, покрытую на всемъ протяженіи одною травяною растительностью.

На киргизскомъ языкѣ слово Алай—значить рай. Представляя всѣ удобства для жизни кочевника-скотовода, эта долина въ представленіи киргизовъ является самымъ лучшимъ мѣстомъ на землѣ въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда здѣсь отличное пастбище,

прохладно и совершенно отсутствуют комары, мошки, пресмыкающиеся и звѣри, а люди и скоть при этомъ никогда не болѣютъ. Кочуя въ лѣтнее время въ предгорьяхъ Алайскаго и Заалайскаго хребтовъ, киргизы на зиму спускаются въ Алайскую долину, гдѣ находятся ихъ постоянныя жилища.

Устроившись на ночлегъ въ просторной войлочной куртѣ, устланной кошмами и коврами, принадлежавшей амину (аксакалу), мы пригласили хозяина, почтеннаго киргиза лѣтъ шести-десяти.

Шурпа изъ баранины и жирный пловъ были скоро готовы, а если къ этому добавить вареныя яйца, свѣжія лепешки изъ пшеничной муки, то ужинъ былъ лукулловскій.

Нѣсколько взрослыхъ киргизовъ и съ десятокъ дѣтей расположились у самаго входа въ юрту, слѣдя внимательными глазами за каждымъ нашимъ движеніемъ и шопотомъ дѣлясь другъ съ другомъ своими впечатлѣніями и порою указывая пальцами на заинтересовавшіе ихъ предметы изъ нашего походнаго снаряженія.

— Таксырь уже видѣлъ жизнь таджиковъ, нашихъ сосѣдей, теперь посмотритъ на киргизовъ—они лучше ихъ, отрекомендоваль аминъ своихъ земляковъ. Мы хотя и живемъ съ ними рядомъ, но плову съ одного блюда не ѣдимъ, кумыса изъ одной піалы ⁴⁾ не пьемъ и дочерей своихъ имъ въ жены не отдаемъ, потому что таджики плохіе люди.

— Но вѣдь зато у киргизовъ многіе берутъ себѣ въ жены таджичекъ? задалъ вопросъ докторъ.

— Да, это вѣрно. Но, тюра, женщина другое дѣло; она создана Аллахомъ, чтобы производить дѣтей, и ея дѣти—дѣти того, кому она принадлежить. Киргизъ, таджикъ или узбекъ.

Красивая, живая дѣвочка лѣтъ пяти проскользнула неслышно въ юрту и, спрятавшись за спину старика-амина, плутовато высматривала оттуда, поблескивая своими черными веселыми глазами. Головка дѣвочки была такъ красива, что невольно привлекала къ себѣ общее вниманіе. Аминъ, видимо, баловаль дѣвочку и все время любовно ласкаль ея черныя длинныя косы.

— У бая много дѣтей? спросилъ я аксакала.

Облачко какой-то печали пролетѣло по выразительному лицу старика и онъ, вздохнувъ, отвѣтилъ.

— Нѣтъ, таксырь, у меня нѣтъ дѣтей. Были два мальчика, на

⁴⁾ Чашка.

которыхъ я любовался, но пришла черная болѣзнь и прекратила жить жизни ихъ обопхъ, повергнувъ меня въ бездонную пучину печали и оставивъ на старости лѣтъ одинокимъ.

— А это развѣ не твое дитя?

— Нѣтъ, дѣтей я не имѣю. Вѣдь, таксырь, вѣроятно, не обратилъ вниманія—вѣдь это не дитя—это дѣвочка, какъ бы съ отгѣнкомъ удивленія, сильно покраснѣвъ и сконфузившись, отвѣтилъ старикъ.

Тутъ только я наглядно увидѣлъ то пренебрежительное отношеніе, съ которымъ относятся къ появленію на овѣтъ дѣвочекъ отцы семействъ.

— Видишь, тура, я очень люблю эту маленькую шалунью, но только все-таки Аллахъ вложилъ въ ея маленькое тѣло полъ-души и поэтому изъ нея и выходитъ не человѣкъ, а женщина.

Являясь причиною сильнаго разочарованія родителей при появленіи на свѣтъ Божій, дѣвочка у киргизовъ въ большинствѣ случаевъ расположеніемъ родителей не пользуется, такъ какъ мечта каждаго имѣть сына, который можетъ молиться впоследствии за душу своего покойнаго отца. Постепенно подрастая и превращаясь въ взрослую дѣвушку, она воспитывается совершенно одинаково съ мальчиками, вырабатываясь въ лихую, смѣлую наѣздницу, участвуетъ во всѣхъ охотахъ, скачкахъ и джигитовкахъ, причемъ пользуется до выхода въ замужество полною свободою. Къ взрослымъ дѣвушкамъ киргизы относятся съ большимъ почтеніемъ, а молодежь ухаживаетъ за извѣстными красавицами, предоставляя имъ во всемъ первое мѣсто, которое въ большинствѣ случаевъ онѣ завоевываютъ по праву, выдѣляясь своею особою ловкостью и поразительною неумимостью и смѣлостью въ скачкахъ. Въ обществѣ дѣвушкѣ всѣ оказываютъ особое уваженіе и даже всегда усаживаютъ въ такъ называемый красный уголь, гдѣ обыкновенно размѣщаются лица особенно почетныя и знатнаго происхожденія.

Браки между молодежью обыкновенно устраиваются по свободному соглашенію и поэтому не рѣдки случаи увоза невѣсть. Но съ выходомъ въ замужество положеніе женщины рѣзко измѣняется и на нее возлагаются всѣ домашнія работы; киргизы смотрятъ обыкновенно на свою жену исключительно, какъ на самку, производящую имъ потомство, причемъ правомъ голоса въ семейныхъ дѣлахъ она почти не пользуется.

Глава V.

Байга.

Живя жизнью кочевниковъ-скотоводовъ, киргизы Алайской долины имѣютъ большое количество скота и лошадей. Въ лѣтнее время вся огромная долина Алая и всѣ предгорья Алайскаго и Заалайскаго хребтовъ покрыты кибитками кочевниковъ, около которыхъ привольно бродятъ ихъ табуны лошадей и стада барановъ.

Обильныя, чудныя травы въ короткое время приводятъ стада въ отличное состояніе и увеличиваютъ молочность ожеребившихся кобылицъ, вслѣдствіе чего количество кумыса, выдѣлываемаго изъ него, не только достаточно для всего населенія, но даже оказывается въ значительномъ излишкѣ; послѣдній превращается въ особенно старый пьяный кумысъ, который и служитъ для увеселенія во время пиршествъ, устраиваемыхъ богатыми баями по очереди.

Съ наступленіемъ осенняго времени помимо постоянныхъ охотъ начинаются состязанія въ ловкости всадниковъ и рѣзвости и выносливости киргизскихъ скакуновъ на такъ называемыхъ байгахъ. Широкій разгулъ сопровождаетъ обыкновенно эти состязанія, являющіяся праздниками, на которые съѣзжаются киргизы издалека. О днѣ большой байги, которую устраиваютъ богатые и знатные киргизы, знаютъ не только въ Алайской долинѣ, но и въ сосѣднихъ Каратегинскомъ бекствѣ и въ Ферганской области, откуда масса киргизовъ спѣшить пріѣхать.

Байга дѣлается въ большинствѣ случаевъ или въ честь умершихъ родителей или же по случаю обрѣзанія одного изъ сыновей.

Въ первомъ случаѣ день этотъ извѣстенъ каждому изъ родственниковъ и знакомыхъ, а также всѣмъ принадлежащимъ къ этому роду, почему къ такому дню по издавна заведенному обычаю къ знатному баю съѣзжаются всѣ сами, хотя для соблюденія установленнаго этикета рассылаютъ также и джигитовъ съ приглашеніемъ ко всѣмъ знатымъ и вліятельнымъ лицамъ ближайшихъ родовъ. Люди средняго достатка, устраивая байгу, подолгу разѣзжаются лично сами по кочевкамъ, приглашая баевъ посѣтить ихъ праздникъ, сдѣлавъ честь своимъ пріѣздомъ.

Сборы по приглашенію доставляютъ не мало всякихъ хлопотъ приглашаемымъ, которые въ этомъ случаѣ пріѣзжаютъ со своими людьми, привозя и ставя лучшія богато убранныя коврами ки-

битки. Особенно богатые баи высылаютъ свои кибитки заблаговременно и онѣ разставляются по установленному порядку въ строгой зависимости отъ богатства и знатности даннаго лица.

Разукрашенные цвѣтными коврами и матеріями ряды кибитокъ, разставленные на предназначенномъ для байги мѣстѣ, имѣютъ особенно красивый видъ. Лошади подъ богатыми попонами стоятъ тутъ же на приколахъ, а далѣе виднѣются болѣе простыя кибитки всякой челяди и бѣдности. Тутъ же цѣлые ряды котловъ, въ которыхъ готовится безчисленное количество плѣва, варится конина, баранина, верблюжатина.

Словно огромный муравейникъ двигаются группами люди по всѣмъ направленіямъ. Шумные разговоры, ожесточенные споры и тихіе рассказы сказочниковъ слышатся со всѣхъ сторонъ, смѣшиваясь въ какой-то гулъ. Передача новостей изъ Бухары, свѣдѣнія изъ русскихъ областей, разговоры на политическія темы захватываютъ всю эту толпу, проводящую иногда цѣлую недѣлю на такомъ праздникѣ, который обходится богатому и тароватому хозяину до нѣсколькихъ тысячъ рублей.

Въ назначенное время вся эта масса людей садится на своихъ скакуновъ и выѣзжаетъ въ поле. Нѣсколько сотъ всадниковъ, начиная отъ безбородыхъ юношей и до сѣдобородыхъ стариковъ, представляютъ изъ себя красивую картину.

Степенно на сытомъ, покрытомъ богатою попоною, жеребицѣ выѣзжаетъ самъ хозяинъ впередъ, держа въ рукахъ бѣлаго козла, переброшеннаго черезъ шею лошади. Вотъ онъ пошелъ небольшимъ галопомъ, дѣлая полукругъ и вынувъ свой ножъ изъ-за пояса—вонзааетъ его въ горло козла, а затѣмъ сильнымъ движеніемъ отбрасываетъ трепещущее тѣло въ сторону.

Будто сорвавшись съ цѣпи, вся масса всадниковъ шарахается къ нему, но лучшіе скакуны уже впереди, и кто-либо изъ самыхъ ловкихъ киргизовъ, нагнувшись, уже схватилъ козла и скачетъ съ нимъ въ степь, преслѣдуемый толпою молодежи, среди которыхъ не рѣдкость увидѣть и сѣдобородыхъ баевъ.

Вырывая другъ у друга козла, то сталкиваясь въ одну общую кучу, то преслѣдуя вырвавшихся длинною цѣнью, скачутъ всадники по равнинѣ, пока не выдѣлится лучшій скакунъ, на которомъ ловкій, смѣлый, увертливый киргизъ несется обратно къ группѣ особенно почетныхъ гостей, стоящихъ рядомъ съ хозяиномъ на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ и, подскакавъ, бро-

саетъ къ его ногамъ истерзаннѣй трупъ козла, превратившійся въ какой-то грязнаго цвѣта комокъ неопредѣленной формы.

Съ ревомъ восторга привѣтствуетъ толпа побѣдителя, которому тутъ же хозяинъ набрасываетъ халатъ на плечи, а иногда и даритъ лошадей, барановъ или верблюда.

Лучшіе скакуны, выдѣлившіеся своею силою, рѣзвостью и выносливостью, внимательно осматриваются и часто тутъ же покупаются богатыми киргизами за большія цѣны.

Помимо состязанія съ традиціоннымъ козломъ, иногда устраиваются скачки, причемъ назначается огромная дистанція отъ 15 до 20 верстъ.

Цѣлая группа желающихъ отъѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, оттуда, виднѣясь темными точками, быстро несется, развивая вначалѣ огромную рѣзвость. Молодые красавицы-дѣвушки нерѣдко также участвуютъ въ этихъ скачкахъ, завоевывая вмѣстѣ съ призомъ и сердца зрителей, на перебой являющихся претендентами на руку дѣвушки.

Вечеромъ огни костровъ освѣщаютъ огромное пространство и снова послѣ сытаго ужина долго за полночь слышатся пѣсни, рассказы и споры.

Подъ вечеръ, благодаря углямъ въ мангалѣ и большому числу собравшихся въ юртѣ, сдѣлалось настолько тепло, что понадобилось открыть отверстіе вверху юрты.

Откуда-то появилась домра, врученная старику киргизу, сидѣвшему до этого времени молча въ углу юрты. Выдвинувшись впередъ и взявъ инструментъ въ руки, старикъ своими крючковатыми пальцами извлекъ изъ нея рядъ стонущихъ, дребезжащихъ звуковъ. Струны жалобно заговорили о чемъ-то далекомъ, какъ будто вспоминая и жалуясь, а спустя немного тихимъ речитативомъ послышался голосъ старика:

— Давно, давно, когда славнымъ киргизскимъ родамъ принадлежала вся страна отъ Алая и до Великаго Байкальскаго моря, гдѣ живутъ понынѣ ихъ братья рода Барутъ и отъ Кашгара до Урала, не было сильнѣе, храбрѣе и богаче киргизскаго племени. Привольно жили киргизы со своими стадами въ безконечныхъ степяхъ и на равнинахъ и слушались они только однихъ своихъ родовыхъ знатныхъ султановъ, не признавая ни власти бековъ, ни эмира, ни хана, ни даже уѣднаго начальника урусовъ.

Были широки и просторны степи и всемъ въ нихъ было достаточно мѣста и киргизскимъ табунамъ и барантамъ и стадамъ ку-

лановъ, и джейранамъ, и сайгакамъ, и шакаламъ, и степнымъ волкамъ. Всѣмъ было достаточно мѣста, и киргизамъ, и кара-киргизамъ, и другимъ большимъ и малымъ родамъ, которыми повелѣвалъ великій ханъ всѣхъ ордъ Кейнесоры-Ханъ.

Весело жилъ киргизскій народъ; тысячами собирались удальцы на байгу и охоты. И не жалѣли ни своихъ головъ, ни коней, чтобы заслужить славу въ войнахъ и набѣгахъ на своихъ сосѣдей.

Часто пѣли пѣсни смерти пернатыхъ стрѣлы, тучами поражая враговъ; громко гремѣли старинныя мултуки, неся смерть; лязгали сабли и ножи, ударяясь другъ о друга и рассыпая искры въ схваткахъ.

Летѣли удальцы на своихъ быстрыхъ коняхъ, то къ Оренбургу, то къ Хивѣ, то за рѣку Или.

Какъ звѣзды, сіяли очи киргизскихъ красавицъ, когда онѣ встрѣчали храбрецовъ, возвращавшихся со славою и добычею.

Долго потомъ послѣ набѣговъ шли въ аулахъ празднества, байги и охоты. Не одну свадьбу справили во всѣхъ кочевкахъ, роднясь между своими въ родахъ и даже въ цѣломъ племени. Но не было красивѣе во всей степи дочери славнаго Ирке-Хана Джиль-Кизъ. Глаза болѣли у юношей при взглядѣ на красавицу и сыпались искры изъ ея глазъ, проникавшія въ сердца храбрыхъ батырей, зажигая молодую кипучую кровь.

И люди бѣлой и черной кости смотрѣли на красавицу, но ни на комъ изъ всѣхъ подолгу не останавливался ея ласковый взглядъ. На все одинаково еще смотрѣла Джиль-Кизъ—и на лошадей, и на цвѣты, и на молодыхъ батырей. Спокойно еще билось ея молодое сердце въ бѣлоснѣжной груди. Но насталъ и ея часъ.

По всей киргизской степи славили Сазандары имя Садыкъ-Бая, храбраго среди самыхъ храбрыхъ, непобѣдимаго въ бою, могучаго какъ джюль-барсъ, сильнаго какъ горный архаръ, смѣлаго какъ барсъ. Тысячами ходили удальцы подъ его бунчуками и всегда возвращались съ добычею и славою.

Еще большія тысячи людей собирались къ его кибиткамъ и шель тогда пиръ, на которомъ угощали досыта и знатныхъ баевъ, и людей черной кости. Пили бузу, кумысъ и веселились.

Пріѣхалъ и Ирке-Ханъ съ своею Джиль-Кизъ къ нему на той. Увидѣли глаза красавицы молодого бая Садыка и загорѣлась у нея кровь пожаромъ степнымъ.

Разсмотрѣлъ и бай красавицу и у него забилося сердце въ груди.

Но какъ вѣтеръ степной, была рѣзва Джиль-Кизь; не хотѣла она даромъ мѣнять волю дѣвушки на жизнь женщины. Много батырей сватали красавицу, но всѣмъ говорила она «нѣтъ». И даже Султану Ходжѣ-бію, пришедшему со своими многочисленными родами, и тому отказала.

Много скакали на быстрыхъ жеребцахъ по долинѣ, всѣ батыри и баи одинъ передъ другимъ показывали своихъ скакуновъ. Стрѣляли пернатыми стрѣлами лебедей и утокъ. Пускали по озерамъ соколовъ.

И вездѣ первыми были Джиль-Кизь, Садыкъ-Бай и Султанъ-Бій на своихъ дивныхъ скакунахъ, ведшихъ свое благородное происхождение отъ кобылицы Пророка. Не знала удержу Джиль-Кизь, какъ степная молодая кобыла носилась она между батырями, вызывая ихъ задоръ.

Вынеслась она впередъ на высокій холмъ, ударила коня нагайкою и понеслась по степи, крикнувъ: «кто меня поймаетъ, съ тѣмъ пойдетъ вмѣстѣ моя жизнь».

Услышали оба батыря и кинулись за нею, какъ джейранъ, неслась красавица, ускользя изъ рукъ ее преслѣдовавшихъ; почти нагоняли они ее, но, ловко увернувшись, уносилась она дальше, лишь крикнувъ: «Самому Али на своемъ Дюль-Дюль не догнать меня».

Эхъ неосторожна молодость! Безумны были слова дѣвушки, Разгнѣвался Великій Имамъ, услышавъ эти дерзкія слова.

Сѣлъ онъ на Дюль-Дюля и, какъ вихрь, понесся черезъ горы и равнины, быстро нагнавъ скачущихъ.

Увидѣли кони Дюль-Дюля, чудеснаго коня Хозрета, и полетѣли за нимъ слѣдомъ, все прибавляя и прибавляя ходъ. Звенѣли подковы ихъ о скалы, выбивая искры, падала бѣлая пѣна съ нихъ на землю, каплями горячаго пота поливали они землю и все неслись и неслись безъ остановки.

Давно уже скрылись знакомыя равнины, начались горы, дикія страшныя, съ бездонными пропастями и мрачными ущельями. А они все летѣли на своихъ заколдованныхъ Хозретомъ коняхъ.

И никто изъ людей больше не видѣлъ ни веселой красавицы Джиль-Кизь, ни батырей Садыкъ-Бая, ни Султанъ-Бія.

Говорять, что до сихъ поръ они носятся по горамъ и равнинамъ. И топотъ ихъ коней порою слышится въ скалистыхъ ущельяхъ горъ Алая...

Глава VI.

Память объ Андиганскомъ возстаніи.

Южный вѣтеръ рѣзко измѣнился на сѣверо-восточный, принесшій холодъ. Мелкій дождь, шедшій цѣлый день, превратился къ крупу, а уже къ полудню сталъ падать большими хлопьями снѣгъ, покрывъ бѣлою пушистою пеленою всѣ долины предгорья, и лишь кое-гдѣ еще виднѣлись темныя вершины, не запорошенные снѣгомъ.

Выѣхавъ съ разсвѣтомъ, мы ѣхали за нашимъ проводникомъ, не видя никакихъ слѣдовъ дороги. Все приняло однообразный бѣлый цвѣтъ ослѣпительно блестящаго снѣга. Но уже послѣ полудня порывы вѣтра сдѣлались сильнѣе, и скоро вокругъ насъ завылъ снѣжный буранъ.

Движеніе по казавшемуся огромною равниною холмистому плато было до крайности затруднительно. Лошади шли неохотно, все время стараясь свернуть въ сторону отъ вѣтра, дувшаго вмѣстѣ съ снѣжною пылью прямо въ лицо. Сидя на сѣдлѣ бокомъ и закрывшись буркою, мы плелись шагъ за шагомъ, не имѣя даже возможности разговаривать и обмѣниваться впечатлѣніями.

Кишлакъ Гуляма, лежащій около небольшой рѣчки Гуляма-Су, впадающей въ Кизиль-Су, мы проѣхали, почти его не замѣтивъ. Маленькія сакли и кибитки, запорошенные толстымъ слоемъ снѣга, сливались совершенно съ окружающей мѣстностью, и лишь неширокая полоса бѣгущей воды да спускъ къ ней указывали, что мы переправляемся черезъ небольшую рѣчку.

Невдалекѣ отъ кишлака Гуляма мѣстные жители добываютъ соль, которая привозится на базары въ Кала-Хойтъ и даже Гармъ; соляные пласты встрѣчаются во всемъ этомъ районѣ довольно часто, но хорошей соли безъ всякихъ примѣсей не особенно много. Чаще всего соль содержитъ въ себѣ глауберовую и другія примѣси.

По словамъ киргизовъ, въ горахъ Алайскаго и Заалайскаго хребта, мѣстами выходя на поверхность, есть также много каменнаго угля, мѣди и золота, но добычею этихъ минераловъ никто не занимается, а для геологическихъ изслѣдованій этихъ горъ, надо полагать, еще не пришло время, хотя по многимъ причинамъ можно предполагать, что минеральныя богатства въ нихъ огромны и лишь ждуть предприимчивыхъ людей для развѣдокъ и разработки.

Передохнувъ недолго въ Ачигъ-Алма, мы, несмотря на непогоду, рѣшили непременно на ночлегъ добраться до зимовки Джакенды.

Узкая тропа по берегу рѣки Кизиль-Су была трудна для движенія; пролегая по карнизамъ и извиваясь на подъемахъ, она перенасыщалась черезъ невысокіе, но крутые перевалы, утомляя страшно лошадей, скользившихъ по обледенѣлой почвѣ. Часто слѣзая и ведя ихъ въ поводу, мы все-таки, принимая во вниманіе непогоду, подвигались довольно уснѣшно впередъ и окончательно воспрянули духомъ, когда вѣтеръ разомъ утихъ.

Зимній ландшафтъ разстилался со всѣхъ сторонъ и снѣговая пелена сливалась на краю горизонта, гдѣ уже не было видно очертаній горъ, какъ будто расплывшихся на общемъ бѣломъ фонѣ.

Переправившись черезъ нѣсколько глубокихъ овраговъ, мы подошли къ небольшому перевалу, у подошвы котораго проводникъ киргизъ остановился и, указавъ на него, сказалъ:

— Здѣсь, таксырь, конецъ Каратегина, а на той сторонѣ уже будетъ земля Ферганы. Урусъ—начальникъ тамъ, а Бекъ здѣсь, пояснилъ онъ, показывая бѣлые зубы. Тамъ карошо—здѣсь не карошо, тутъ же обнаружилъ онъ свои познанія въ русскомъ языкѣ и, ударивъ лошадь нагайкой, быстро сталъ взбираться на подъемъ, какъ бы стремясь скорѣе достигнуть стороны, гдѣ, по его словамъ, повидимому людямъ лучше живется.

Рѣка Кизиль-Су исчезла и ея направленіе виднѣлось лишь въ видѣ извилистой глубокой трещины, на днѣ которой протекалъ шумно-журчащій потокъ мутноватой воды.

— Сейчасъ Ката-Карамукъ будетъ, а тамъ и Джакенды недалеко, сообщилъ долгомолчавшій Ахметъ. Урусъ въ немъ живетъ—за лѣсомъ смотреть, чтобы киргизы его не жгли и не рубили.

Какъ бы чувствуя близость ночлега, наши кони прибавили шагу и черезъ часъ, не больше, мы уже были въ теплой юртѣ, отдыхая отъ трудностей дороги.

Путешествіе изо дня въ день болѣе мѣсяца по горнымъ тропамъ давало себя чувствовать. Всѣ части тѣла болѣли и невыносимо ныли, требуя продолжительнаго отдыха.

Приземистая одѣтая въ широкую овчинную шубу и шапку фигура выросла у входа въ юрту, выступая изъ облаковъ морознаго воздуха, ворвавшаяся въ теплое помѣщеніе вмѣстѣ съ вошедшимъ.

Но киргизская шуба и мѣховой малахай какъ-то не гармониро-

вали съ берданкою за спиною, и вся фигура рѣзко отличалась отъ достаточно приглядѣвшихъ намъ туземныхъ типовъ.

— Здравія желаю, ваше скородіе, по-солдатски поздоровался онъ, остановившись у входа. Прослышалъ отъ киргизовъ, что русскіе ѣдутъ, дай, думаю, посмотрю на своихъ. Здѣсь не часто наши-то проѣзжаютъ, въ годъ одинъ—два изъ господъ военныхъ, а то больше никого. Обѣздчикъ я лѣсной, отрекомендовался онъ въ заключеніе.

— Какъ же живетъ здѣсь вамъ среди киргизовъ?

— А ничего, лѣсъ караулимъ, съ ружьемъ, тоже кое-когда на звѣря и птицу ходимъ... жить можно. Они народъ хорошій, обиды никакой не видалъ отъ нихъ. Также ко мнѣ въ гости ходятъ—душевные люди среди нихъ есть, не хуже своего брата русскаго.

— Давно уже вы здѣсь служите?

— Я вѣдь еще изъ Чернышевцевъ, съ какою-то гордостью отвѣтилъ обѣздчикъ, снимая свой малахай и показывая свою сѣдую коротко остриженную голову. Какъ на службу попалъ въ линейный баталіонъ 40 лѣтъ тому назадъ, такъ и остался, когда уволили въ чистую, здѣсь въ Туркестанскомъ краѣ. Привыкъ. Солнышко грѣетъ, земля хорошо родитъ, просторъ-то какой, не то что у насъ въ Россіи: тамъ тѣснота.

Присѣвъ около мангала и получивъ стаканъ чая, старикъ, давно не говорившій съ русскими, засыпалъ насъ вопросами, на которые получилъ самые обстоятельные отвѣты.

— Но вотъ вы хвалите весь здѣшній народъ, а Андижанское возстаніе забыли? навелъ его на воспоминанія докторъ.

— Что же Андижанъ?! Андижанъ дѣло особенное! Тутъ и султанъ турецкій и англичане работали. Развѣ здѣшній-то народъ смогъ бы все самъ сдѣлать. Натравили его—онъ и пошелъ. И Мингъ-Тюбинскаго ишана, что зачинщикомъ былъ, мы хорошо знавали. Онъ хоть и заводчикъ всему считался, а только какъ шарманка онъ игралъ, а ручку-то шарманки кто-то другой потаенно вертѣлъ. И теперь, правду сказать, здѣсь вездѣ всякій народъ по кочевьямъ шмыгаетъ. И муллы и ишаны. Кто ихъ знаетъ, про что они промежъ себя въ тайности бесѣды ведутъ? Меня такъ тоже во время Андижанскаго возстанія чуть не порѣшили, только какъ-то Богъ снасъ.

— Развѣ и здѣсь тоже что-нибудь было?

— Вездѣ было и даже въ Каратегинѣ тоже готовились, чтобы русскихъ порѣшить. Мингъ-Тюбинскій ишанъ всюду своихъ людей

посылалъ съ письмами. Его мюриды ѣздили, деньги собирали и народъ мучили. А здѣшніе кара-киргизы еще хорошо помнятъ и не забыли того времени, когда они при Кокандскихъ ханахъ первыми людьми считались и всѣмъ ханствомъ управляли. Отъ того-то они и потянули на сторону ишана. Здѣсь еще старики живы, которые при Кокандскихъ ханахъ понсатами ⁵⁾ да датхами ⁶⁾ служили. Ну а какъ настало русское правленіе, они и остались безъ всякаго почета. А Модали-ишанъ умный человекъ былъ. Онъ началъ свое дѣло исподволь. Получилъ отъ турецкаго султана хать, грамоту по-нашему, и началъ черезъ своихъ мюридовъ, людей бѣлой кости, знатныхъ по-ихнему, склонять и присягу отъ нихъ отбирать. Каждому что-либо обѣщалъ: кому чинъ, кому земли, а кому и должности всякія. А простой народъ—тотъ, какъ муха на медъ, къ нему шелъ. Прослышалъ, что ишанъ чудеса творить и повалилъ къ нему. А у ишана на дворѣ цѣлый день котлы съ пловомъ варились. Кто ни пріѣдетъ, того кормили все время, сколько ни проживеть. И жертвы разныя народъ ему привозилъ: кто барановъ, кто рису или пшеницы. А ишанъ прозорливымъ по-ихнему считался, а по-нашему вся прозорливость его въ одномъ обманѣ была. Сидитъ это онъ у себя въ саклѣ. Народъ около него. Входитъ въ это время кто-либо изъ его людей. И только что показывается изъ двери, а ишанъ уже говоритъ: «пріѣхалъ, скажетъ, киргизъ и привезъ два батмана рису», или «пригналъ столько-то барановъ». И дѣйствительно сейчасъ же пришедшій докладываетъ: «кланяется такой-то бай двумя батманами риса». Ну всѣ тутъ и начинаютъ удивляться, какой онъ прозорливый. Чудо да и только.... А того не знали, глупые, что у него все заранѣе условлено. Пришелъ, положимъ, однѣ слуга—онъ рисомъ завѣдуетъ, знакъ подалъ—значитъ рисъ привезли. Пришелъ другой, что къ барантѣ приставленъ—барановъ привезли.

Тоже и съ варкою плова. Варились котлы, а огня не видно, ну и говорилъ ишанъ всѣмъ, что варятся они небеснымъ огнемъ, а какъ потомъ гнѣздо ишанское русскіе разорили, смотрятъ, а у него въ нижнемъ этажѣ огонь разводился и къ верху подъ котлы трубами выведенъ. Много мошенства его люди дѣлали, чтобы святость ишанскую поддержать. Хотѣли разомъ по всѣмъ городамъ возстаніе поднять и въ Андижанѣ, и въ Маргеланѣ, и въ другихъ городахъ. Вездѣ его мюриды шныряли и вѣсть подавали. Только

⁵⁾ Понсать—полковникъ.

⁶⁾ Датха—генераль.

поошиблись они и не разсчитали хорошо. Думали, что всё изъ Андижана войска на стрѣльбу ушли, а вышло на дѣлѣ, что не всё. Собралъ ишанъ тысячъ пять народу и напалъ на стрѣлковъ, что въ баракѣ ночью спали. Много въ этой ротѣ тогда народу перебили, но только другая рота успѣла собраться и залпы по киргизамъ открыла. Они и ошалѣли. Роздалъ имъ ишанъ передъ нападеніемъ по веретену и увѣрилъ, что заколдовалъ онъ этимъ всё русскія ружья и никакого вреда они принести не могутъ, а на повѣрку вышло—что ни залпъ, то народъ падаетъ убитыми да ранеными. Тутъ они и бросились на утекъ.

А только въ этотъ день много они разныхъ русскихъ людей по кишлакамъ порѣшили. Сюда потомъ кинулись. Прибѣжала ихъ партія. Я въ это время у себя въ саклѣ сидѣлъ и бѣды никакой не чувялъ. Ввалился ко мнѣ народъ, да и прижали меня, и не успѣлъ я и винтовки своей схватить. Навалились на меня. Кричатъ, спорять промежъ собой: рѣжь ему голову. А другіе: нельзя, говорятъ, по шаріату—надо зарѣзать, а потомъ въ кровь невѣрнаго руки мочить и къ знаменамъ прикладывать съ клятвою. А нѣтъ у насъ знамени—надо его раньше сдѣлать. Потасили они меня съ собою, но только на мое счастье сынишка мой съ утра на лисицъ съ ружьемъ пошелъ. Ёдутъ они мимо лѣска. Видитъ онъ меня тащатъ и издѣвательство всякое дѣлаютъ. Поровнялись съ нимъ, а онъ въ самую толпу какъ изъ ружья хватить. Да сначала изъ одного, а потомъ изъ другого ствола. Тутъ все киргизье, какъ воробьи, въ разныя стороны и на утекъ кинулись—меня бросили. Такъ я изъ бѣды и вызволился, а то ужъ думалъ—конецъ мой пришелъ. Ну а потомъ, когда слѣдствіе производить начали, поѣхалъ я тоже въ кишлакъ Мингъ-Тюбе посмотреть. И что бы вы думали: въ ишанскомъ помѣщеніи нѣсколько тысячъ дѣтскихъ люлекъ тогда нашли; показывалъ тогда ишанъ: разсчитывалъ я и мои люди всёхъ русскихъ взрослыхъ перерѣзать, женщинъ и дѣвушекъ раздать правовѣрнымъ въ жены, а маленькихъ дѣтей воспитать хорошими мусульманами.

Какъ будто подавленный страшными картинами встававшей въ памяти новой кровавой страницы великой книги бытія одного изъ народовъ Азіи, лѣсникъ примолкъ, вспоминая пережитыя имъ минуты.

— А какъ вы думаете, можетъ такое дѣло вновь повториться? нарушилъ я долгое молчаніе.

— Какъ вамъ сказать правильно: самъ по себѣ народъ тихій и

добродушный, особаго озорства за нимъ не водится и къ нашему брату русскому они также ничего себѣ относятъ, безъ вражды. Но только простые люди. А вотъ ихніе ишаны—это ужъ другая статья. Тѣ зачастую увидятъ русскаго, невѣрнаго значить по-ихнему, такъ и плюнуть вслѣдъ. И когда такой ишанъ покажется да начнетъ свои проповѣди говорить, тутъ разомъ какъ будто и народъ начинаетъ на тебя звѣреть смотрѣть. Мы понимаемъ по-ихнему хорошо. Когда на базарѣ такой ишанъ, либо дервишъ, а то и мадахахъ начнутъ народу проповѣдь говорить, подойдешь ближе и чего чего не наслушаешься: ругаютъ они русскихъ, за псовъ приказываютъ считать, грозятъ всякими муками на томъ свѣтѣ за дружбу къ нимъ, а за всякое зло сулятъ награду. Но наше-то начальство за ними мало смотреть, да и рѣдко кто изъ нихъ такія рѣчи понимать можетъ, а только большую бѣду эти ишаны при случаѣ сдѣлать могутъ, потому у народа они въ великомъ почетѣ и каждое ихъ слово за Божью правду считается.

Глава VII.

Виби-Сешамбе.

Мангалъ чадилъ, вѣтеръ врывался въ отверстіе палатки и поднималъ золу, носившуюся въ воздухѣ и вмѣстѣ съ порошинками снѣга медленно осѣдавшую на платье.

Спать совершенно не хотѣлось.

Нѣсколько киргизовъ, внимательно прислушивавшихся къ нашему разговору на русскомъ языкѣ, разочарованно вздыхали, не имѣя возможности принять въ немъ участія.

Особенно сильный порывъ вѣтра неожиданно распахнулъ войлокъ, закрывавшій входъ въ кибитку, и мятель громко завывла въ самомъ помѣщеніи; внезапно погасивъ огонь свѣчи и разбросавъ уголья, она понеслась, крича различными дикими голосами, въ отверстіе вверху кибитки.

Довольно долгая возня съ закрываніемъ кошмы, отыскиваніемъ свѣчи, заставила насъ просидѣть въ темнотѣ, прислушиваясь къ голосамъ непогоды. Киргизы, толпясь и шаря по кибиткѣ, разыскивали свѣчку, перебраниваясь и награждая вѣтеръ самыми нелестными эпитетами.

Слабый огонекъ свѣчи, наконецъ, прорѣзалъ темноту и освѣтилъ снова всю кибитку.

Постепенно киргизы успокоились и заняли свои мѣста.

— Биби-Сешамбе сердится и ты напрасно ругалъ вѣтеръ, вполголоса замѣтилъ пожилой киргизъ своему сосѣду.

— Завтра надо, таксырь, съ утра милостивую жертву принести, когда выѣзжать будѣте. Зерна по вѣтру пустить, муки или масла на большой камень, что около дороги, полить. Биби-Сешамбе умилостивить... она добрая, а только за что-нибудь на таксыря разсердилась.

— А кто такая Биби-Сешамбе? заинтересовался я.

— Это, таксырь, святая; живетъ она въ одной далекой пещерѣ подъ землею и выходитъ иногда оттуда посмотрѣть, какъ живутъ люди.

Давно жила на свѣтѣ маленькая дѣвочка, у которой была одна только злая мачеха, а отца не было. Трудно было дѣвчкѣ, и она цѣлые дни все работала безъ устали въ кибиткѣ; то пасла своихъ козъ въ горахъ, ссучивая въ это время длинныя нитки изъ пряжи хлопка и наматывая ихъ на клубокъ, который дѣлался все больше и больше. Сдѣлавшись, наконецъ, такимъ, что не могла уже маленькая кызъ ⁷⁾ удержать въ своихъ слабыхъ рукахъ огромный клубокъ, упалъ онъ на землю и быстро покатился по откосу горы, а потомъ, упавъ въ ущелье, понесся быстро внизъ по ложу, прорѣзанному водами въ землѣ.

Кызъ бросилась за клубкомъ, всѣми силами стараясь его схватить, но клубокъ вырвался и покатился все дальше и дальше.

Уже солнце спряталось за высокіе хребты горъ, и усталость и голодъ совершенно изнурили маленькую кызъ, когда, наконецъ, клубокъ, послѣдній разъ подпрыгнувъ около обрывистаго уступа горы, скрылся за поворотомъ глубокой расщелины, за которой начинался входъ въ большую и высокую пещеру. Вбѣжала въ нее кызъ и остановилась въ сильномъ страхѣ, потому что въ это время ея клубокъ подкатился къ ногамъ старой, престарой старухи, сидѣвшей на бѣлой кошмѣ, а была это сама Биби-Сешамбе.

Волосы ея побѣлѣли послѣ длиннаго ряда зимъ, а глаза тускло смотрѣли на свѣтъ Божій. Но сердце у нея было сердцемъ старой женщины, не могущей видѣть слезъ ребенка. Захотѣла она утѣшить маленькую кызъ, погладила ее по мелкимъ длиннымъ косамъ, спускавшимся съ ея головы, какъ тонкія змѣи, дотронулась рукою до заплаканныхъ глазъ и спросила ее, какое большое горе лежитъ на ея маленькомъ юномъ сердцѣ?

⁷⁾ Кызъ — дѣвучка.

Все рассказала ей кызъ и про свою тяжелую жизнь и про трудныя работы и про злую мачеху.

Приласкала Биби-Сешамбе бѣдную кызъ и обѣщала она всегда приходить къ ней на помощь, когда понадобится. Накормила и дала отдохнуть на своей мягкой кошмѣ, а на другой день сама вывела на дорогу.

И началась ея прежняя жизнь у злой мачехи.

Долго спустя знатный бій объявилъ, что у него будетъ большою той по случаю обрѣзанія старшаго сына.

Сѣѣхались къ нему люди со всѣхъ сторонъ: и беки и простые люди. Пошла и мачеха на той, оставивъ кызъ сторожить кибитку. Никогда не видала кызъ близко большого тоя и захотѣлось ей посмотрѣть, какъ люди радуются и веселятся. Побѣжала она въ пещеру Биби-Сешамбе и попросила святую помочь ей посмотрѣть той.

Исполнила ея желаніе Биби-Сешамбе, одѣла въ золотой халатъ, надѣла шелковое покрывало, дала чуднаго коня.

Пріѣхала кызъ на той и съ почетомъ всѣ ее встрѣтили, потому что думали, что это ханская дочь, а самъ бій рядомъ съ собою усадилъ. И загорѣлась у него кровь, глядя на красивую кызъ. Кончился той и, когда она уѣхала къ своей кибиткѣ, около которой выпустила своего коня и спрятала свои богатые уборы, поѣхалъ за ней самъ бій и нашелъ красавицу по слѣду, хотя и не въ золотѣ, а въ простомъ платѣ, но еще сильнѣе разгорѣлись у него глаза, когда онъ разсмотрѣлъ ея тѣло, не закрытое тяжелыми халатами.

Заплатилъ онъ мачехѣ по адату ⁸⁾ за молоко и взялъ себѣ кызъ въ жены. Одѣлъ, какъ ханшу, и приставилъ къ ней рабовъ и женщинъ для услугъ. Но помнила молодая жена бѣя свою благодѣтельницу и захотѣла она сдѣлать ей подарокъ. Сама своими нѣжными руками стала для нея варить въ котлѣ жирный пловъ изъ мелкаго самаго лучшаго афганскаго риса. Пришелъ въ это время старый бій, увидѣлъ свою новую жену за такимъ неподходящимъ занятіемъ, страшно разсердился и ударомъ ноги опрокинулъ котель и вылилъ на землю весь душистый пловъ; не хотѣлось ему, чтобы его жена занималась черною работою; могутъ это увидѣть люди и его осудить.

Разсердилась сильно Биби-Сашамбе, когда узнала, что онъ сдѣлалъ съ пловомъ. Обидно очень ей это было.

Собрался въ это время старый бій къ хану въ Кокандъ. Взялъ

⁸⁾ Адатъ—обычай.

съ собою полные хуржумы всякихъ дорогихъ подарковъ и поѣхалъ съ большимъ числомъ своихъ людей. Приѣхалъ онъ въ Кокапдъ, но только не въ хорошее время: пропали у хана три его сына, молодыхъ хана, на охотѣ и никто не могъ ихъ найти.

Пришелъ старый бій на широкій дворъ, поклонился хану, спросилъ о здоровьѣ, слово утѣшенія сказалъ и поднесъ ему большой хуржумъ съ подарками, чтобы видомъ дорогихъ красивыхъ вещей порадовать взоръ повелителя.

Открыли нукеры хуржумы и сами отскочили въ стороны въ страшномъ испугѣ: выкатились изъ него три отрѣзанныхъ чело-вѣческихъ головы, и сразу всѣ узнали въ нихъ лица молодыхъ пропавшихъ безъ вѣсти хановъ.

Разгнѣвался великій ханъ и приказалъ казнить убійцу и повезли бія на регистанъ⁹⁾, чтобы зарѣзать передъ всѣмъ народомъ.

Вспомнилъ старый бій тогда всю свою жизнь, свою молодую жену и ту обиду, которую ей только что недавно сдѣлалъ. И не стала страшна ему смерть, а сдѣлалось жаль маленькой жены. И только что созналъ старикъ свою вину, какъ разомъ отрѣзанныя головы, лежавшія передъ ханомъ, превратились снова въ дорогіе подарки, а вернувшіеся съ охоты молодые ханы вѣхали во дворъ и, слѣзши съ лошадей, подошли къ повелителю съ селямомъ.

Отмѣнилъ сейчасъ же ханъ казнь и, съ почетомъ надѣвъ золотой халатъ, отпустилъ домой стараго бія.

Сталъ жить бій со своею молодою женою, но только ужъ не дѣлалъ ей послѣ этого никакой обиды. Узналъ онъ, что всегда за каждое нехорошее дѣло, за каждую дурную мысль, сильно сердится добрая Биби-Сешамбе, посылая на провинившагося всякія несчастія.

— Не сдѣлалъ ли кто изъ васъ, таксырь, какого-нибудь дурного дѣла? послѣ минутнаго молчанія, совершенно неожиданнымъ вопросомъ, закончилъ киргизъ свой рассказъ, въ основѣ котораго, сквозь вышитые узоры, какъ-то ясно вставалъ образъ Золунки-героини одной изъ старыхъ любимыхъ сказокъ великороссійской равнины.

— Да, интересная сказка, задумчиво произнесъ докторъ, какъ бы отвѣчая на мою мысль. И если подвергнуть изслѣдованію рядъ средне-азіатскихъ сказокъ, то надо признать, что наши сказочные герои фигурируютъ во всѣхъ нихъ лишь подъ другими только именами. Въ этомъ отношеніи я не разъ слышалъ ихъ сказочниковъ и

⁹⁾ Регистанъ—главная площадь.

и всегда въ образахъ, ими нарисованныхъ, проглядывали наши любимые и Иванъ-царевичъ, и сѣрый волкъ, и Василиса прекрасная. А баба-яга встрѣчается рѣшительно у всѣхъ племенъ, населяющихъ горы Восточной Бухары, Памировъ и Сѣверной части Индіи. Хотя далѣе на равнинѣ уже приходится ихъ слышать въ сильно измѣненномъ видѣ, но зато на великороссійской низменности появляются снова почти буквальные ихъ повторенія. Пожалуй, это одно изъ лучшихъ доказательствъ пребыванія нашихъ предковъ славянъ въ далекомъ прошломъ въ этихъ странахъ, составляющихъ крышу міра.

Г л а в а VIII.

До Дораугъ-Кургана.

Всѣ окрестности были покрыты бѣлою снѣговою пеленою, напоминающая какъ-то невольна холмистую равнину внутренней Россіи. Небольшія куртины зарослей уныло выглядывали изъ снѣгового покрова. Сугробы снѣга иногда мѣшали лошадямъ идти и, увязая въ нихъ, мы подвигались шагъ за шагомъ впередъ, объѣзжая расщелины и овраги и стараясь миновать сильно занесенные снѣгомъ кустарники около береговъ рѣки.

Цѣлыя тучи зайцевъ ежеминутно вырывались изъ-подъ ногъ лошадей. Нѣсколько разъ сѣроватая лисица, красиво распустивъ свой длинный, пушистый хвостъ по вѣтру, перебѣгала намъ дорогу и, остановившись не вдалекѣ, граціозно поднимала свою головку, любопытно хитрыми глазами разсматривая проѣзжающихъ.

Не могшій оставаться спокойнымъ при видѣ такого заманчиваго звѣря, докторъ останавливался, снималъ двухстволку съ плеча и старательно долго цѣлился, затѣмъ гремѣлъ выстрѣлъ, лисица красивымъ прыжкомъ поднималась на возвышенность и исчезала за ея гребнемъ, а докторъ, сердито ругаясь, продувалъ свое ружье, обвиняя его въ отсутствіи мѣткости.

— Напрасно г. докторъ стрѣляютъ, даромъ вѣдь порохъ изводятъ, вполголоса замѣтилъ объѣздчикъ. Теперь снѣгъ и туманъ. Все показывается близко, а на самомъ дѣлѣ, если смотрѣть, такъ больше 200 шаговъ будетъ. Хотя и хорошо ружье бьетъ, а дробь не донесетъ никакимъ способомъ.

— А какъ же вы-то охотитесь?

— Мы больше или съ собаками борзыми, или же капканы ставимъ, а то и мясо травимъ стрихниномъ да разбрасываемъ на ночь. Подъ утро обойдешь капканы и вынимаешь, что попалося—лиса или волкъ. Тоже если съѣдать травленную приманку—иногда двухъ, трехъ лисицъ за разъ не вдалькѣ другъ отъ друга найдешь. Киргизы тѣ больше капканами кошекъ да лись ловятъ, а иногда тоже съ собаками ѣздить. Есть у нихъ такіе любители, что много промышляютъ. Иной рублей на сотни въ годъ продасть шкурокъ разныхъ.

Разговоръ какъ-то самъ собою прекратился, и мы долго ѣхали молча, обдумывая свои впечатлѣнія и вспоминая видѣнные нами картины. Казалось какъ-то страннымъ, что за хребтомъ горъ, по ту сторону идетъ совершенно другая жизнь.

Край, нами видѣнный, поражалъ своимъ богатствомъ и одновременно съ этимъ полнымъ отсутствіемъ благопріятныхъ условій для своего развитія. Очевидно, жизнь его населенія замкнута въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, откуда нѣтъ выхода. И лишь живая струя новыхъ жизненныхъ условій можетъ въ короткое время превратить Каратегинъ въ сказочно богатую область.

Алайская долина оканчивалась. Впереди видѣлся Дораутъ-Курганъ. Сзади въ горахъ бушевала мятель, закрывъ бѣлою стѣною горизонтъ. Вѣтеръ, завывая въ ущельяхъ, неся по равнинѣ, будто плача и жалуясь и навѣвая тоску.

Д. Логофетъ.

